

Аксютин Юрий Михайлович, Тышта Елена Владимировна

**ТРАНСФОРМАЦИИ НАДЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В статье раскрывается содержание надэтнической идентичности, представлена характеристика ее форм, динамики и уровней развития. Особое внимание уделяется характеристике исторических условий трансформации форм надэтнической идентичности в Южной Сибири (Хакасия, Тува) и перспективам обращения к опыту межэтнического взаимодействия как ресурсу в деле формирования основ гражданской общекультурной интеграции. На примере республик Южной Сибири авторы анализируют процесс трансформации надэтнической идентичности в условиях распада СССР и образования новых региональных политических систем, одной из характеристик которых является формирование постсоветской этнической идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/2.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-20. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470+571.513)+101.1:316

Исторические науки и археология

В статье раскрывается содержание надэтнической идентичности, представлена характеристика ее форм, динамики и уровней развития. Особое внимание уделяется характеристике исторических условий трансформации форм надэтнической идентичности в Южной Сибири (Хакасия, Тува) и перспективам обращения к опыту межэтнического взаимодействия как ресурсу в деле формирования основ гражданской общекультурной интеграции. На примере республик Южной Сибири авторы анализируют процесс трансформации надэтнической идентичности в условиях распада СССР и образования новых региональных политических систем, одной из характеристик которых является формирование постсоветской этнической идентичности.

Ключевые слова и фразы: идентичность; имперскость; светскость; этничность; надэтничность; интернационализм; интеграция; гражданственность.

Юрий Михайлович Аксютин, к. филос. н.

Кафедра философии и культурологии

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

aksutum@mail.ru

Елена Владимировна Тышта, к. полит. н.

Кафедра истории, политологии и правоведения

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

tyshhta@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ НАДЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ®

Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (номер соглашения: 14.В37.21.0511).

Социальные трансформации двух последних десятилетий привели к качественным изменениям в жизни российского общества. Они не только вызвали пересмотр существующих социально-экономических основ, но и повлекли перестройку всего сознания людей. Одной из наиболее ярких перемен стало изменение социокультурной и этнополитической ситуации в современной России. С начала 1990-х годов резко увеличилось количество исследований, посвященных проблеме определения идентичностных предпочтений россиян, предпринимались попытки выработать основы современной и адекватной переходной постсоветской эпохе идеологии. Вместе с тем данная тема до сих пор остается актуальной. Это обусловлено рядом причин. Прежде всего, по-прежнему не прекращаются методологические споры вокруг изучения феномена надэтнической идентичности и форм его проявления в реальности. В силу обширности проблемы за границами внимания исследователей остаются целые тематические пласты (в частности, слабоизученными остаются вопросы сущностной характеристики и типологизации надэтнической идентичности (имперскость, советскость и т.д.), исторические аспекты трансформации этнотерриториальной модели надэтнической общности в региональном измерении). Тогда заинтересованные стороны получают лишний повод для взаимных обид, конфликтов или манипуляций.

С девальвацией «советскости» как типа надэтнической идентичности была потеряна идеологическая опора для роста наднационального и интернационалистского самосознания, а идея гражданской «российскости» и сегодня улавливается скорее интуитивно, нежели существует реально. Если для представителей других этнических групп возрождение собственного самосознания базировалось на идеях суверенитета, культурном самоопределении, то русские (привыкшие к статусу «старшего брата») оказались в ситуации психологического дискомфорта, встала проблема поиска оснований самосознания.

Это способствовало появлению в научной литературе и публицистике точки зрения, согласно которой социальные, этнокультурные и политические идентичности в посткоммунистический период оказались под действием ряда противоположных тенденций. С одной стороны, идет процесс поиска новой консолидирующей идеи и идеологии в терминах «гражданственности» и «нации согражданства». С другой стороны, идентичность населения России сегодня формируется через соотнесение с предыдущим социокультурным, политико-идеологическим опытом, в качестве которого выступает надэтническая досоветская «имперскость», интернационалистская «советскость» и традиционализм, часто в терминах политизированной «этничности». Благодаря СМИ стало широко распространяться мнение, что Россия переживает бум этничности представителей неславянских народов и имперскости славянских (русских в основном). Это сопровождалось (и сопровождается) возрождением имперской и религиозной (опять же чаще – православной) символики – от паспорта гражданина России до фасадов административных учреждений, придания историческим событиям (освобождение Москвы от польских интервентов) и религиозным праздникам статуса государственных. В таком контексте закономерно

возрастает опасность обострения социокультурных конфликтов, фундаментом которых являются глубинные ценностно-мировоззренческие различия и противоречия населения полиэтничной страны.

В таком контексте становится важным изучение ценностно-мировоззренческих установок населения страны. Это особенно актуально в тех регионах, где представители различных этнических и социально-культурных групп ежедневно взаимодействуют лицом к лицу. Одним из таких регионов является Южная Сибирь.

Насколько адекватно говорить о процессах традиционализации идентичности населения региона (этничность, надэтничность, интернационализм)? Как рост этничности и традиционализма в Сибири влияет на процессы формирования гражданской идентичности? Можно ли говорить о связи между конфликтами идентичностей и социально-политическими трансформациями в Сибири периода 1990-х гг.?

Прежде чем анализировать данные по Сибири, следует обратиться к общероссийской тенденции. Отметим, что характеристике идентичности и конфликтов идентичности в современной науке посвящено достаточное количество исследований. По мнению Дж. Бертона, идентичность представляет собой одну из базовых потребностей человека и социума, а угроза для их культурной идентичности или ее неясность, амбивалентность воспринимается народом и личностью как одна из основных угроз здоровью и воспроизводству [14, p. 42]. М. Е. Попов определяет конфликты идентичностей как социокультурные конфликты, фундаментом которых являются глубинные ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями культурных идентичностей. По его мнению, конфликты идентичностей обусловлены несоотнесенностью традиционалистских и посттрадиционных ценностных систем [12, с. 10].

Впрочем, не все авторы согласны с такой трактовкой. Так, анализируя природу конфликтов, Э. Гидденс отмечает, что понятия «противоречие» и «конфликт» различаются между собой и обозначают разные феномены: «конфликт» есть борьба между социокультурными общностями в виде определенных социальных практик, в то время как несовпадение базовых детерминант социокультурной системы (системы ценностей), типа культуры – это «структурное противоречие», не всегда конфликт [6, с. 18-20].

Обращаясь к истории ценностно-мировоззренческих различий населения полиэтничной страны, следует отметить их историческую обусловленность и уровневую структуру. Начиная со второй половины XVIII в. русское население в Сибири в целом уже превосходило в количественном отношении коренное, это объективно создавало предпосылки для успешной культурной ассимиляции. Необходимость исполнять обязанности в качестве подданных империи, существовать в условиях действия жесткого управленческого механизма самодержавного государства оказалась тяжким бременем для многих сибирских этносов. Тем не менее в России XV-XVIII вв. известны лишь единичные случаи антиимперских и сепаратистских выступлений, что свидетельствует о достаточно высоком уровне комплементарности на низовом (крестьяне-переселенцы и коренные сибирские этносы) и среднем (казачество – автохтонное население) уровнях межэтнического взаимодействия, латентном характере конфликтов идентичностей.

Вопрос относительно характера взаимоотношений на верхнем уровне элитных страт имперского социума остается открытым. По мнению В. В. Трепавлова, русская элита империи традиционно сотрудничала со своими иноэтничными «коллегами», поскольку российский дворянство изначально формировалось как этнически открытое сословие, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Однако неоднородная по своему этническому составу, положению и происхождению новая элита основной своей целью видела получение власти и привилегий, характеризовалась часто внешней, официальной имперской идентичностью, сохраняя традиционную этнокультурную идентичность. Ситуация меняется лишь в период усиления контактов с русскими и повышения социального статуса местных властей, что, однако, тоже не следует понимать как проявление солидарности этнической феодальной знати с имперской элитой.

Российской имперской культуре не удалось избежать латентно протекавших конфликтов между центром и периферией, декларативной надэтнической культурой и слабо интегрированными этническими культурами народов империи. Имперский социум вследствие специфики исторического развития сочетал амбивалентные модели коллективных идентичностей и характеризовался противоречием, с одной стороны, традиционалистской (этнической) культуры, а с другой – модернизационной (квазимодернизационной) надэтнической имперской культуры.

В зависимости от иерархии этнических и религиозных идентичностей в имперском социокультурном пространстве подданные империи располагали разными возможностями доступа к социально-политическим ресурсам. Этническая идентичность означала на практике разные стартовые возможности в имперском обществе. Латентный этнонационализм и идея ограниченного этнического суверенитета были оформлены юридически в эксклюзивном делении населения на статусы «природных обывателей», «иностранцев» и «иностранцев». В XIX веке различие в правах субъектов и этническое неравенство становятся явными и легитимными. Этнонационализм лежал в основе имперского государственного устройства и «легитимировал» конфликтогенные этноцентристские практики. Этничность была подчинена в имперской культуре идее конструирования надэтнической идентичности, которая обеспечивала легитимацию и функционирование системы управления и господства, позволяя удерживать и воспроизводить в рамках модернизированной имперской социокультурной системы традиционалистские этнокультуры. Коллективная же идентификация социальных групп, вступающих в непосредственный контакт, подкреплялась повседневностью взаимодействия и силой присущего им традиционализма.

Иными словами, в рамках имперского социума присутствовало несколько уровней взаимодействия и конфликта идентичностей. Во-первых, это повседневная идентификация с собственным этносом, а во-вторых, с надэтнической общностью – «имперским социумом».

Не стал исключением и Советский Союз, к которому с периода 1930-х гг., как считают специалисты, применимо определение «социалистическая суперимперия». СССР был крупным, идеократическим, многонациональным (с этническим содержанием этого понятия) государством, сочетавшим декларативно интернациональную, модернизационную советскую культуру и традиционные по характеру культуры народов Советской империи. Результатом формирования и развития советского социума стало формирование общества людей с конфликтным, амбивалентным самосознанием как представителей собственного этноса и новой интернациональной общности – «советского народа».

Советскость как традиционно-патерналистская идентичность отодвигала на второй план потребность в гражданской интеграции, теоретически замещала необходимость в этнической и конфессиональной солидарности идеей «органичного единства нового общества советских людей». Возведенная в идеологию теория подкреплялась повседневной практикой поколений советских людей. Жизнь «простого советского человека» протекала на двух уровнях: с одной стороны, повседневность, не связанная с идеологической функцией; с другой – в соответствии с нормами советской монокультуры.

Противоречивость советской идеологии и практики, амбивалентной идентичности населения, в полной мере реализовалась в период распада СССР. Конечно, «Хакасия не знала митингов, волнений и крови. В критические дни в республике наблюдались спокойствие и межнациональный мир» [9, д. 2719, л. 22]. Тем не менее в августе 1991-го Хакасская автономная область (далее – ХАО), как и многие другие «национальные» территории, не вошла в число регионов, поддержавших ГКЧП, руководство Хакасии не проявило лояльности к деятельности центральных властей. Отголоском образования и деятельности ГКЧП в Хакасии стало лишь идеологическое противостояние, когда лидер «Демократической группы» в Облсовете А. Н. Корчимский обвинил председателя облисполкома В. Н. Штыгашева в антидемократической политике [Там же, л. 24]. Все политические субъекты ХАО преследовали свои интересы, поставив председателя облисполкома в ситуацию «перекрытой критики». Демократически настроенные деятели считали В. Н. Штыгашева членом консервативного крыла, представители национальных обществ обвиняли его в демократическом центризме, что, по их мнению, выражалось в доминировании юридических требований над политическими, в отсутствии политической инициативы, стратегического мышления и т.д. Критика В. Н. Штыгашева была обусловлена его умеренной позицией. С одной стороны, Облсовет в конечном итоге, конечно, поддержал деятельность центральных российских властей; была приостановлена деятельность компартии, произошла передача ее имущества облисполкому. Но при этом отмечалось, что первоначально не осудили государственный переворот. Председатель Облсовета настаивал на том, что в республике не должно быть гонений на коммунистов и «антикоммунистической истерии».

Противоречивость «советского нацистроительства» проявилась в этот период особенно ярко. Советскость обеспечивала легитимацию и функционирование централизованной системы управления и господства, позволяя удерживать и воспроизводить в рамках советской системы этнокультурные образования. В результате в период августовских событий среди политической элиты Хакасии закономерно возобладало мнение, что созданся удобный момент для повышения государственно-политического статуса региона и проведения выборов в новый Верховный Совет Республики Хакасия уже по российскому законодательству. Следует отметить, что идеи усиления автономии региона звучали и раньше. «Гражданское сопротивление» национальных регионов фактически поддерживало в функциональном состоянии «систему», которой оно же противостояло. Такое «сопротивление», борясь с «системой», продлеvalo ему жизнь, помогая в конечном итоге функционировать «экономико-социальной машине», которая поставила сопротивление себе на службу.

В результате поименного голосования по вопросу «О недоверии Президиуму Облсовета» на сессии Верховного Совета Республики Хакасия «за» проголосовало лишь 16 человек, большинство – 91 – «против» при двух воздержавшихся [Там же]. Другими словами, события августа 1991 года не привели к качественным изменениям в составе правящей политической элиты. Причин тому множество. Во-первых, хакасское руководство отличала умеренная позиция к действиям ГКЧП. Во-вторых, годы Советской власти не могли не оставить след на самосознании и идентичности населения Хакасии, в том числе и политической элиты, переключив его внимание с традиционализма этнической идентичности на осознание необходимости построения консолидирующей гражданской идентичности.

В соседнем сибирском регионе, в Туве, ситуация была иной. Сформировавшаяся на территории столкновения интересов крупных имперских формирований и протектората Российской империи 14 октября 1944 года Тувинская Народная Республика вошла в состав РСФСР на правах Тувинской автономной области. В августовских событиях руководство республики открыто поддержало деятельность ГКЧП. Лидер Народного фронта Тувы К. А. Бичелдей возглавил группу депутатов в количестве 5 человек (из 150-местного Верховного Совета Республики), которая выступила против руководства республики в целом и Председателя Верховного Совета ТувАССР в частности. Председатель Верховного Совета ТувАССР Ч. Д. Б. Ондар находился в Кремле (19-20 августа 1991 г.) у Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова. Его пребывание в Москве имело объективные причины. Делегация Тувы приехала на подписание союзного договора и реально была оторвана от событий, происходивших в Кызыле. Деятельность российских властей в Москве также поддержал городской совет Кызыла [7]. После поражения ГКЧП в столице Тувы началась серия выступлений и демонстраций в поддержку деятельности российских властей, что, в свою очередь, совместно с началом следствия Прокуратурой РСФСР привело к отставке 25 августа 1991 года на IX внеочередной сессии Верховного Совета ТувАССР Председателя Верховного Совета ТувАССР Ч. Д. Б. Ондара [2]. Новым Председателем Верховного Совета ТССР на безальтернативной основе был избран К. А. Бичелдей. Его поддержало 86 народных избранников, против высказалось 28 [3]. Вышеуказанные события привели к смене политической элиты региона. Более умеренные политики, которые стояли за Ч. Д. Б. Ондаром, ушли с политической арены. У власти оказалась когорта

демократов, проникнутых идеей большего политического суверенитета. Демократические лозунги во многом провозглашались людьми из того же самого партийного аппарата, с той же самой традиционной политической культурой. Уже отмеченная нами ранее противоречивая черта советскости – легитимация и воспроизводство в рамках советской системы традиционалистских этнокультурных образований – архаических этноклановых общностей – проявилась в полной мере. Как следствие, в деятельности Верховного Совета ТуваАССР с августа 1991 года политические требования стали доминировать над юридическими позициями.

Указ Президента РСФСР «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» предусматривал, что «исполнительно-распорядительные функции государственного управления в регионах осуществляются главами администрации, назначенными Президентом РСФСР по согласованию с соответствующими Советом. С введением должности главы администрации прекращались полномочия соответствующих исполнительных комитетов, а региональные органы исполнительной власти переподчинялись главе региона» [5, с. 93]. Относительно Хакасии и Тувы Указ Президента РСФСР № 75 не был применен. Хотя в ходе обсуждения событий августа 1991 года на сессии хакасского парламента поступало предложение обратиться к Президенту РСФСР с тем, чтобы он с учетом национальных особенностей Хакасии назначил наблюдателя за выборами нового, более демократического по своему национальному составу Верховного Совета народных депутатов Хакасской ССР. Кроме этого, ставился вопрос о назначении главы администрации Президентом РСФСР. Но как большинство депутатов Облсовета, так и присутствующие на сессии народные депутаты РСФСР от Хакасии (И. И. Вышнецкий, М. А. Митюков, Н. Д. Огородников) выступили против данного предложения. Основные мнения сводились к тезису: «нам не нужен наместник, справимся сами» [9, д. 2719, л. 54].

В 1991 г. в Хакасии исполнительная власть не была выведена из-под контроля Советов, не произошло утверждение главы региона «как хозяина», главного центра власти. Глава исполнительной власти оставался подотчетен органу представительной власти. Значительные полномочия Верховного Совета Хакасии в начале 1990-х годов позволили избежать крупных институциональных конфликтов в республике. Не было острого противостояния «губернатор – представительный орган», а также противостояния главы региона и местных органов власти.

Анализируя исторический процесс Тувы в начале 1990-х гг., следует отметить, что уход КПСС с политической арены Тувы, а вместе с ней старых политических лидеров – Г. Ч. Ширина (с 1972 г. первый секретарь обкома КПСС), Ч. Д. Б. Ондара – не привел к реальной демократизации общества. После событий августа 1991 года начинается замещение «политического вакуума» новыми политическими лидерами, которые представляли исполнительную власть и обладали имиджем не «демократа», как К. А. Бичелдей, а харизматическими чертами «отца народа», что характерно для традиционного типа легитимности, традиционной культуры и идеологии этнической общности. А как следствие – безоговорочная победа на президентских выборах в Туве Ш. Д. Ооржака, который в 1990-1992 гг. был Председателем Совета Министров республики. Это во многом обусловило усиление позиций исполнительной власти в регионе.

Таким образом, события, происходившие в республиках Южной Сибири (Тыва и Хакасия) в рассматриваемый исторический период, в значительной степени подтвердили, что надэтническая идентичность в элитных стратах сибирского социума находится под действием разнонаправленных тенденций. С одной стороны, политизированный традиционализм, ориентированный на консервацию традиционных ценностей, этническую идентичность и изоляционизм. Это объясняется конфликтогенной спецификой доминировавшей советскости, сочетавшей коллективную, внешнюю модернизационность (консервативно-технологическая модель модернизации) и традиционалистский характер. С другой стороны, «дрейфующая этническая идентичность» (в терминах В. А. Тишкова), выраженная в переключении внимания элиты и населения с традиционализма и этнической идентичности на осознание консолидирующего потенциала гражданской идентичности.

Базовое противоречие советской культуры заключалось в дихотомии мифологизирующего социальное бытие коммунистических идей и повседневной жизни советских людей. Анализ периодической печати рассматриваемого периода продемонстрировал, что первые робкие попытки вынести на общественное обсуждение вопросы идеи суверенизации, повышения политико-правового статуса региона и выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края были предприняты на рубеже 1980-х – 1990-х годов и в ходе избирательной кампании по выборам народных депутатов РСФСР (1990 г.). На страницах региональных печатных СМИ кандидаты в депутаты неоднократно поднимали данный вопрос. Так, кандидат в народные депутаты РСФСР, заместитель главного редактора региональной газеты «Советская Хакасия» Н. А. Огородников, отвечая на вопрос корреспондента о проблеме, над которой хотелось бы поработать, одержав победу на выборах, однозначно ответил: «Самостоятельность Хакасии, но для этого требуется упорство и немалые усилия» [11]. Редактор общественно-политической редакции Хакасского областного радио, лидер тогда еще неформальной национальной организации «ТУН» А. А. Костяков отмечал, что отсутствие решения вопроса о создании организационно-правовых условий, позволяющих национально-государственным автономным образованиям наиболее успешно развиваться дальше, приводит к конфликтным ситуациям в том или ином регионе страны [4].

Местная интеллигенция часто выступала за политические методы решения вопроса суверенизации, за создание механизма, закрепленного законодательно, определяющего право и возможность изменять статус этих образований. В 1991 году вопрос о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края на страницах региональных газет рассматривается уже как решенный, но требующий некоторого урегулирования. Так, в интервью Председателя Совета народных депутатов Хакасской автономной области В. Н. Штыгашева в газете «Советская Хакасия» высказано следующее предположение: «Что касается статьи 82 действующей Конституции РСФСР, то в части автономных областей сделана конституционная поправка, механизм реализации данной поправки будет заключаться в следующем: правительство РСФСР даст поручение министерствам и ведомствам провести разделение собственности и компетенций» [10]. Помимо объяснения правового механизма

реализации принципа самоопределения хакасского народа, региональные политические лидеры пытались убедить читателей в выгоде от повышения политико-правового статуса региона. По их мнению, Хакасия должна получить все экономические права управления промышленностью региона. Помимо этого, у Хакасии будет больше возможностей для развития культуры, языка и образования. Эти шаги должны были успокоить и задать вектор развития аморфной социальности в условиях «революционного» характера кризиса советскости, когда прежняя культура и образ жизни на глазах распадались, являя пример реконструкции.

Непреодолимый конфликт между «демократизацией» и авторитаризмом советского социума и культуры обозначил начало кризиса советскости, перекинувшегося на все сферы жизни и в конечном итоге разрушившего СССР. Закономерным следствием этого процесса стало обострение протекавших латентно ценностно-идентификационных конфликтов (в виде определенных социальных практик) и противоречий (несовпадение базовых детерминант, системы ценностей), грозящих перерасти в открытые конфликты там, где этого еще не произошло.

После распада тоталитарной идеологии и партийной вертикали, когда государственная идентичность перестала транслироваться, бывший советский человек оказался перед лицом необходимости обретения новой коллективной идентичности, интеграционной и антиконфликтной по содержанию. События, происходившие в республиках Южной Сибири (Тыва и Хакасия) в рассматриваемый исторический период, в значительной степени предопределили, что идентичность населения регионов современной России формируется, с одной стороны, через соотнесение с социокультурным, политико-идеологическим прошлым (этничность, надэтничность, интернационализм), а с другой стороны, через осознание консолидирующего потенциала гражданской идентичности. Однако очевидно, что современные процессы социально-политического реформирования и строительства гражданского общества совмещаются с тенденциями к реанимации элементов имперско-советской идеологии, что выражается в политической и культурной традиционализации. Иными словами, в современной России, унаследовавшей конфликтность прежней коллективной идентичности, наверное, единственной альтернативой мобилизации этничностей, усилению культурного партикуляризма и формированию официальной надэтничности становится гражданская общекультурная интеграция.

Список литературы

1. **Бычков А. А.** Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам и Марсилиус Падуанский: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008. 27 с.
2. **Ведомственный архив Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва (ВАЗПВХРТ).** Протокол 8.
3. **ВАЗПВХРТ.** Протокол 9.
4. **Вырастить поколение свободных людей // Советская Хакасия.** 1990. 31 января.
5. **Гельман В. Я.** Региональная власть в современной России: институты, режимы и практика // Полис. 1998. № 1. С. 87-113.
6. **Гидденс Э.** Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
7. **ГКЧП и Тува // Содействие.** 1991. 5-12 сентября.
8. **Глеб М. В.** Эволюция имперской идеи в Великобритании во второй половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 2003. 19 с.
9. **Государственный архив Республики Хакасия (ГАРХ).** Ф. Р-39. Оп. 1.
10. **Жить в русле законов, а не политических страстей // Советская Хакасия.** 1991. 6 февраля.
11. **За Хакасию самостоятельную // Советская Хакасия.** 1990. 20 января.
12. **Попов М. Е.** Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Ставрополь, 2011. 34 с.
13. **Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада.** М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
14. **Burton J.** Conflict Resolution: Its Language and Processes. Lanham – L., 1996. 104 p.

TRANSFORMATIONS OF SUPRA-ETHNIC IDENTITY UNDER CONDITIONS OF RUSSIAN FEDERALISM FORMATION: REGIONAL ASPECT

Yurii Mikhailovich Aksyutin, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Culturology
Khakass State University named after N. F. Katanov
aksutum@mail.ru

Elena Vladimirovna Tyshta, Ph. D. in Political Science
Department of History, Political Science and Law
Khakass State University named after N. F. Katanov
tyshta@mail.ru

The authors reveal the content of supra-ethnic identity, present the characteristics of its forms, dynamics and the levels of development, pay special attention to the characteristics of the historical conditions of supra-ethnic identity forms transformation in Southern Siberia (Khakassia, Tuva) and the prospects of the reference to inter-ethnic interaction experience as a resource in the formation process of civil general cultural integration foundations, and by the example of the republics of Southern Siberia, analyze the transformation process of supra-ethnic identity under the conditions of the USSR collapse and the formation of new regional political systems, where one of the characteristics is post-soviet ethnic identity formation.

Key words and phrases: identity; imperial essence; secularism; ethnicity; supra-ethnicity; internationalism; integration; citizenship.